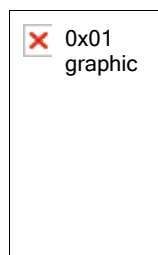

Между своими

Из цикла "Морские рассказы"

Книга: К.М.Станюкович. "Морские рассказы"
Издательство "Юнацтва", Минск, 1981
Художник Е.А.Игнатъев
OCR & SpellCheck: Zmiy (zpdd@chat.ru), 16 декабря 2001

I

Вскоре после выхода корвета в кругосветное плавание, или, как говорят матросы, в дальнюю, Иван Артемьев, совсем молодой, цветущего здоровья матрос, краснощекий красивый брюнет, лихой брамсельный и загребной на капитанском вельботе, простудился поздней ненастной осенью и серьезно занемог, схватив воспаление легких.

Болезнь затянулась. Молодой матрос видимо таял.

Когда, месяц спустя, корвет зашел на несколько дней в Брест, судовой врач, молодой человек, лет пять как окончивший курс в московском университете, снова долго и внимательно выслушивал и выстукивал еще недавно богатырскую, а теперь исхудалую, с резко выступающими ребрами, смуглую грудь Артемьева и, отправившись к капитану, доложил ему, что Артемьева следовало бы списать с корвета и оставить в Бресте, в морском госпитале.

- Разве он так плох, доктор?

- Очень плох... Скоротечная форма чахотки.

- Нет надежды спасти его?

- По моему мнению, никакой! - не без задорного апломба, присущего очень молодым врачам, отвечал доктор и принял еще более серьезный вид.

- Жаль отправлять беднягу умирать к чужим людям... Ну, да что делать! Все-таки на берегу ему будет лучше, чем у нас в лазарете. Ведь у нас в лазарете для больных скверно, а?

- Для серьезно больных нехорошо. Каюта маленькая. Воздуха мало. Удобств никаких...

- Так, так... Вы говорили об этом Артемьеву?

- Нет еще. Сегодня скажу, а завтра, если разрешите, сам свезу в госпиталь и сдам французским врачам.

Через час после этого разговора доктор, несколько взволнованный, но старавшийся скрыть это волнение, вошел в лазарет - небольшую, сиявшую чистотой каюту, помешавшуюся на кубрике. Несмотря на пропущенный в двери виндзейль, в низенькой каюте отдавало сырым спертый воздухом и сильно пахло лекарствами. В ней было четыре койки, по две у каждой переборки, расположенные в виде нар, одна над другой. Три были пусты, а в четвертой, внизу, головою к борту судна, лежал единственный больной на корвете, матрос 1-й статьи Иван Артемьев.